

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	10
§ 1. Историография темы	10
§ 2. Источники	84
§ 3. Методология и методы	102
Глава 2. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДУХОВНОГО СОСЛОВИЯ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ	111
Глава 3. СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ УРАЛЬСКОГО ДУХОВЕНСТВА	192
§ 1. Традиционные стратегии замещения штатных мест	192
§ 2. Образование как основной социальной ресурс духовенства: способы его реализации	228
Глава 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА И ОСОБЕННОСТИ БЫТОВОЙ СОСЛОВНОЙ КУЛЬТУРЫ	267
§ 1. Основные источники доходов	267
§ 2. Дополнительные доходы	324
§ 3. Бытовая культура уральского духовенства	339
Глава 5. ПРИХОДСКОЕ ДУХОВЕНСТВО: САМОСОЗНАНИЕ И ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ	384
§ 1. Развитие сословного самосознания. Соотношение сословного и профессионального нарратива в самооценке духовенства	384
§ 2. Тема духовенства в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка	400
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	420
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	426
ПРИЛОЖЕНИЯ	427

ВВЕДЕНИЕ

За последнее время поток публикаций, посвященных истории Русской православной церкви, принял лавинообразный характер. Причиной тому стала фактическая закрытость темы для серьезных, объективных исследований до середины 1980-х гг. Снятие негласных запретов поспособствовало тому, что исследователи, привлеченные новизной тематики, обратились к поиску источников и открыли для себя огромные пласты почти полностью неизученного материала как в федеральных, так и в региональных архивах. Материалы федеральных архивов послужили базой для написания работ, посвященных прежде всего анализу церковно-правительственных отношений, тогда как региональные архивы предоставили историкам возможность заняться изучением повседневной жизни православного духовенства. Наиболее привлекательным для работы в последнем случае оказался Синодальный период истории Церкви, поскольку уподобление духовенства чиновничеству приводит к бюрократизации церковного служения и росту потока деловой документации, связанной с приходской жизнью, и именно в это время появляются массовые источники по истории духовенства.

Постепенно складывается круг вопросов, на которые отвечают исследования, посвященные белому приходскому духовенству. Это численность служащего духовенства и представителей духовного сословия в целом, уровень образования, источники доходов и материальное положение, взаимоотношения духовенства с прихожанами, миссионерская, просветительская и благотворительная деятельность. Следует отметить, что распространенность этой проблематики в исследованиях, посвященных духовному сословию, объясняется во многом тем, что подобный круг вопросов «диктуют» сами источники, если для анализа их данных используются традиционные методики. В результате на сегодняшний день имеется большое число работ, написанных на схожие темы, но на основе материалов различных

региональных архивов, в названии которых присутствуют слова «город», «уезд», «губерния», «епархия».

Наличие подобных работ (и появление новых) представляется необходимым, поскольку в результате в научный оборот вводятся новые источники, без которых невозможно написание всеобъемлющего труда по истории русского православного духовенства. Но, с другой стороны, чтение всех этих работ приводит к появлению ощущения застоя научной мысли, даже если они выполнены на хорошем исследовательском уровне. Ярчайшей иллюстрацией к современному положению в области исследований церковной истории являются выходящие в Твери сборники научных трудов Всероссийской заочной конференции «Провинциальное духовенство дореволюционной России». В предисловии к первому выпуску (2005 г.) редактор сборника Т. Г. Леонтьева «с особым удовольствием» отмечала наличие в нем статей не только опытных авторов, но и исследователей, «только начинающих свой путь в науке», а читателям предлагалось оценить «как формулируются задачи изучения некоторых, казалось бы, уже основательно разработанных сюжетов отдельными авторами, какие методы, приемы и “технику” исследования они используют»¹. К третьему сборнику оптимизм редакции заметно угасает: «Мы с глубоким удовлетворением подчеркиваем, что число исследователей, работающих в сфере церковной истории, увеличивается, но нас смущает то, что гораздо медленнее изменяется качество их трудов. <...> мы отмечаем доминирующую описательность, поверхностную разработку историографии (а то и вовсе — ее отсутствие), вольное обращение с источником, характерное для некоторых из опубликованных работ. Как ни странно, “грешат” этим не только начинающие авторы»².

К вольным и невольным «грехам» современных исследований хотелось бы добавить и то, что значительная их часть сводится к подтверждению выводов предшествующей историографии³. Опять же

¹ Леонтьева Т. Г. От редактора // Провинциальное духовенство дореволюционной России : сб. науч. тр. Тверь, 2005. Вып. 1. С. 3.

² От редакционной коллегии // Провинциальное духовенство дореволюционной России : сб. науч. тр. Тверь, 2008. Вып. 3. С. 3.

³ Ср.: «Сборник открывается подборкой статей, посвященных давно обозначенной, но тем не менее все еще недостаточно раскрытой, теме социально-экономического положения православного священства в дореволюционной России. Выяс-

ничего страшного в этом нет (почему же предшествующая историография должна быть неправа?), но накопление количественных сведений, подтверждающих ее правоту, идет несоизмеримо быстрее, чем появляются принципиально новые элементы исторического знания.

Суть проблемы заключается не столько в отсутствии новых источников (поскольку ресурсы уже привлеченных видов источников используются далеко не полностью), сколько в отсутствии новых методов исследования, необходимости более глубокой разработки традиционных вопросов и постановки новых. Еще в 2000 г. американский специалист по истории российского православного духовенства Гр. Фриз призывал исследователей российской социальной истории «повернуться от центральных к местным архивам». Он обращал внимание на отсутствие единства в деятельности российских местных социальных учреждений, а потому делал вывод о невозможности восстановления российской социальной истории на основе данных только центральных учреждений. Гр. Фриз призывал историков обратиться к источникам местного происхождения и заявлял: «Только микроистория, следуя модели реконструкции семьи, может показать в полной мере сложность каждодневной жизни, существовавшей в огромном разнообразии местных общин. Такие интенсивные локальные истории на уровне местных общин могут исследовать процессы, модели, но прежде всего *значение* социальных отношений, конфликтов и системы ценностей»⁴. На сегодняшний день «поворот к местным архивам», о котором писал исследователь, привел только к тому, что методики, отработанные на материалах федеральных архивов, начинают применяться к документам регионального уровня. При этом даже работы, претендующие на новизну подхода к объекту

няется, что и в XIX в. и в наше время авторы подходят к этому вопросу сходным образом: на первый план выдвигается наиболее значимый для человека любой эпохи аспект — материальное обеспечение». Авторы сборника «рассматривают проблему “хлеба насущного” <...> на примере отдельных и весьма отдаленных территорий <...>. Однако выводы, сделанные авторами, еще раз озадачат тех, кто продолжает сомневаться в справедливости утверждений о массовой бедности дореволюционного духовенства. <...> Думается, дальнейшее накопление сведений о материальном положении священников в других регионах лишь подтвердит эту печальную картину» (*Леонтьева Т. Г.* От редактора. С. 3–4).

⁴ Российский старый порядок: опыт исторического синтеза. Круглый стол // Отч. история. 2000. № 6. С. 58.

исследования, в большинстве случаев описывают происходящие процессы, опираясь на количественные характеристики объекта в начале и конце изучаемого периода. Остается лишь констатировать отсутствие на сегодняшний день полноценных «интенсивных локальных историй», в которых социальные процессы исследовались бы на микроуровне.

Необходимо также отметить, что, несмотря на большое число публикаций, тематика, связанная с белым духовенством (как и с духовным сословием в целом), остается достаточно актуальной. Во-первых, в настоящее время идет накопление исторической информации, тогда как обобщающих аналитических работ по теме, по большому счету, так и не создано. Необходимость же подобных трудов очевидна, поскольку приходское духовенство, пусть и не самое многочисленное, играло значительную роль в общественной жизни страны, оказывая влияние на мировоззрение всего населения, пополняя ряды других социальных групп (прежде всего интеллигенции и чиновничества), соответственно, во многом определяя уже их социокультурный облик и самовосприятие. Кроме того, замкнутость духовенства делает его идеальным объектом для применения и даже разработки новых методов исторических, социологических, культурологических исследований.

Наконец, сегодня, в связи с ростом значения Русской православной церкви в социальной жизни, необходимо пересмотреть многие идеологические мифологемы, сложившиеся в общественном сознании, в том числе и связанные с приходским духовенством. Объективная оценка роли приходского духовенства в общественной жизни Российской империи должна способствовать формированию более обоснованных взглядов на роль Церкви в современном социуме, установлению спокойного, полноценного диалога между Церковью и обществом.

В настоящей работе предпринимается попытка проследить изменения, произошедшие в социокультурном облике среднеуральского приходского духовенства на протяжении XIX — начала XX в. Под социокультурным обликом мы понимаем комплекс признаков, характеризовавших положение социальной группы в обществе, ее оценку обществом и самооценку. Такими признаками являются официальный статус социальной группы, ее реальное положение в структуре

общества, социальные связи, материальное положение, уровень образования, социальные стратегии, позволявшие приспособиться к изменяющимся условиям жизни и новым социальным структурам, степень развития своей собственной, особой культуры, степень культурного воздействия на общество.

Хронологические рамки исследования определяются важными моментами в развитии духовного сословия в России и охватывают период от рубежа XVIII–XIX в. до 1917 г. Нижняя хронологическая граница приходится на время правления Павла I. В отношении белого духовенства правительство в этот период осуществляет перенос акцентов с преимущественно репрессивных мер XVIII в., направленных на «исправление» духовного сословия и сокращение его численности, на повышение общественного статуса духовенства (1797 г. — запрет рукополагать в священники лиц без семинарского образования, запрет на обработку земли духовенством, отмена телесных наказаний священнослужителей по решению уголовных судов, введение новых церковных наград для белого духовенства). Практические изменения, связанные с этой политикой, происходили не сразу, тем более в отдаленных регионах, где они проявились уже в начале XIX в.

На этот же период приходится приведение границ епархий в соответствие со светским административно-территориальным делением. В результате в 1799 г. из состава Тобольской и Вятской епархий выделились Пермская и Оренбургская. Для духовенства возникших таким образом епархий заметно сократились возможности перемещения (переводы из одной епархии в другую до периода Великих реформ были крайне затруднены, единственное исключение — массовые переводы в отдаленные епархии по приглашению церковных властей). Снизившаяся мобильность делает пермское духовенство более удобным объектом для изучения внутренних процессов, происходивших в данной социальной страте.

Верхней хронологической границей исследования являются революционные события 1917 г. Временное правительство осуществляет ряд мер, направленных на отделение Церкви от государства (упразднение обер-прокуратуры, создание Министерства исповеданий, разрешение на созыв Поместного собора), Русская православная церковь открывает Поместный собор, на котором происходят выборы патриарха — все это знаменует конец Синодального периода в истории

Русской православной церкви. Еще более радикально изменились взаимоотношения Церкви и государства после октябрьских событий, когда естественный ход развития церковных институтов был нарушен, и само существование Церкви поставлено под угрозу.

Важной внутренней вехой рассматриваемого периода стали церковные реформы Александра II. Реформы были направлены на превращение сословия в профессию, хотя в целом они потерпели неудачу, но привели к существенным внутрисословным изменениям. Одним из косвенных последствий реформ является и открытие самостоятельной Екатеринбургской кафедры в 1885 г. (о причинах открытия см. гл. 3.) Таким образом, заданные хронологические рамки охватывают несколько периодов в жизни духовного сословия, когда его статус и социокультурный облик претерпевали значительные изменения.

Территориальные рамки исследования в основном определяются границами Пермской губернии, на территории которой в рассматриваемый период существовали две епархии: Пермская и выделившаяся из ее состава в 1885 г. Екатеринбургская. Входившие в состав губернии 12 уездов (Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Осинский, Оханский, Пермский, Соликамский, Чердынский, Шадринский) значительно отличались друг от друга по природным условиям, что приводило к различиям в хозяйственной деятельности населения этих территорий.

Кунгурский, Шадринский и Камышловский уезды, находившиеся в черноземной полосе, были представлены сельскохозяйственными приходами, причем там преобладало не помещицье, а государственное крестьянство. В Верхотурском, Екатеринбургском, Ирбитском, Красноуфимском, Пермском, Соликамском и Чердынском уездах было сосредоточено горнозаводское население, сформировавшееся в XVIII в. вместе со строительством здесь металлургических заводов. В уездных городах сложились особые приходы, состоявшие из представителей городских сословий и немногочисленного слоя дворянства.

Основное внимание в работе уделяется зауральским уездам Пермской губернии (Верхотурский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский, Шадринский), по которым сохранилось несравненно больше массовых источников, позволяющих провести полноценное исследование темы. К тому же на территории этих уездов

были представлены различные типы уральских приходов: городские, сельские, заводские (частных и государственных заводов), что дает возможность наиболее полно осветить не только экономические, но и культурные различия⁵ в жизни духовенства на этих приходах.

Некоторые предуральские уезды обладали ярко выраженной спецификой. Сравнительно богатыми из них можно счесть лишь Пермский, Красноуфимский и Кунгурский, тогда как северные уезды были бедны, слабо населены, причем православное население проживало здесь вперемешку с инаковерующими, почему большую роль играли миссионеры, во многом определявшие назначения клириков. По этим причинам приходское духовенство Предуралья нуждается в отдельном исследовании с привлечением иных видов источников, поскольку клировые ведомости по предуральским уездам практически не сохранились. По мере возможности при необходимости сравнительного анализа в работе привлекаются и доступные материалы по Предуралью, а также по другим уральским губерниям (Вятской, Оренбургской, Уфимской).

⁵ Зауральские уезды отличаются от предуральских по такому, например, признаку, как уровень грамотности населения. В 1900–1901 гг. среди крестьянства в целом в Верхотурском уезде были грамотными и полуграмотными 19,1 %, в Екатеринбургском — 16,4 %, Ирбитском — 14,3 %, Шадринском — 8,3 % (среди мужчин грамотными и полуграмотными были соответственно 19,1; 16,4; 14,3; 8,3 %). В Предуралье количество грамотных крестьян, правда, в более ранний период (1880-е — нач. 1890-х гг.) составляло: в промышленно развитом Красноуфимском уезде 8,7 %, в Оханском — 4,9 %, в Чердынском — 4 % (в отношении крестьян-мужчин картина будет выглядеть так: 14,2; 8,8; 7,5 %). В 1912–1913 гг. общее количество грамотных крестьян в Екатеринбургском уезде составило 28,2 %, в Оханском — 25,2 % (мужчин соответственно 38,8 и 38,5 %), но при этом Екатеринбургский уезд выигрывал при сравнении количества грамотных и полуграмотных крестьянок: 17,6 и 12,5 % соответственно. (Данные взяты из: *Пьянков С. А.* Структура населения крестьянского двора Пермской губернии по данным земских переписей кон. XIX — нач. XX в. // *Вестн. Челяб. гос. ун-та.* 2009. № 10 (191). История. Вып. 39. С. 33. При этом автор делает вывод, что уровень грамотности крестьянства был напрямую связан с уровнем промышленного развития уезда, для преимущественно сельскохозяйственного Оханского уезда он отмечает высокий уровень грамотности в заводских волостях, причем здесь была грамотна почти половина женщин. Там же. С. 34).

Глава 1

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Историография темы

К теме приходского духовенства историки обратились довольно поздно⁶. Первая монография вышла в свет лишь в 1870-х гг., тогда, когда в периодике активно обсуждались проводимые правительством церковные реформы. Разумеется, при этом возникал интерес и к историческим истокам сложившейся ко второй половине XIX в. ситуации. Многие статьи этого времени носили характер описательный, зачастую это просто публикации документов с минимумом комментариев, без серьезного научного анализа. Подобные работы представляется более уместным отнести не к историческим исследованиям, а к публицистике и, соответственно, дать их характеристику в источниковедческом разделе.

Но при этом основной исторический труд о белом духовенстве этого периода — монография П. В. Знаменского «Приходское духовенство в России со времени реформы Петра», — отличается глубиной научного анализа, четкими оценками (зачастую весьма критическими как по отношению к государству, так и к самому духовенству). Отдельным изданием это исследование вышло в 1873 г., но до того (с 1871 г.) печаталось в виде отдельных глав в журнале Казанской духовной академии «Православный собеседник». Впервые же интерес к Синодальному периоду П. В. Знаменский продемонстрировал, опубликовав в том же «Православном собеседнике» в 1863 г. статью, посвященную петровскому законодательству о духовенстве.

⁶ В историографическом обзоре не представлены учебные пособия, написанные на основе курсов лекций, различные «руководства по истории», поскольку исследовательские задачи в данном случае являются второстепенными по определению. Замечание это сделано в связи с тем, что во многих современных работах учебные пособия включаются в раздел по историографии.

Таким образом, первый период развития историографии можно соотнести с проведением Великих реформ и оживлением церковной публицистики. Нижней границей периода можно считать 1860-е гг., когда идет постепенное формирование интересующего историков круга вопросов, связанных с приходским духовенством, и основных концепций в рассмотрении данной темы. Революция 1917 г. должна была привести к радикальной смене исследовательской парадигмы, но в отношении истории приходского духовенства работы, свидетельствующие о произошедших изменениях, появятся только в 1920-х гг., которые можно считать верхним рубежом первого периода развития историографии. Достаточно условно этот период можно обозначить как дореволюционный.

Как уже было сказано, наибольшего внимания в это время заслуживает монография профессора Казанской духовной академии П. В. Знаменского, написанная в период особо острых дискуссий по поводу проводившихся церковных реформ. Поэтому и выбор вопросов, получивших освещение в этой работе, представляется продиктованным прежде всего ведущейся полемикой; автор анализирует сложившуюся ситуацию, ищет истоки современного положения, оценивает те или иные правительственные мероприятия прошлого с точки зрения их эффективности. Даже если взглянуть только на заголовки (определение на должности в приходах, приходские штаты и выход из духовного звания, гражданские права духовенства, отношения духовенства к духовной власти, способы содержания приходского духовенства), становится очевидным, что в поле зрения автора попали именно те аспекты жизни духовенства, которые подвергнутся преобразованиям. Единственное направление реформационной деятельности правительства, которое не отражено в оглавлении книги — реформа духовной школы. Но здесь следует оговориться, что тема духовного образования стала одной из основных в научном наследии П. В. Знаменского⁷, да и в целом до окончания периода именно она, а также тема участия духовенства в общественной жизни (прежде

⁷ См.: *Знаменский П. В.* Основные начала духовно-училищной реформы в царствование Александра I. Казань, 1878 ; *Его же.* Духовные школы в России до реформы 1808 г. СПб., 2001 ; *Его же.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 гг.). М., 2012.

всего — в деле народного просвещения) занимают ведущее место в трудах историков, интересующихся проблемами Церкви⁸.

Основной проблемой духовенства П. В. Знаменский считает его замкнутость, которая в конечном итоге привела к отрыву духовенства от общества. Причины же замкнутости он видит как в складывающейся еще в допетровской Руси наследственности духовных мест, так и в действиях государства, стремящегося не допустить ухода на церковную службу тяглых людей. Результатом замкнутости стал избыток претендентов на церковные места, от которого государство избавлялось путем военных разборов духовенства. Разборы прекращаются с расширением возможностей для детей духовенства покинуть сословие, но полностью проблема замкнутости не была решена до реформ Александра II. П. В. Знаменский с сочувствием пишет о проводимых правительством мероприятиях, но отмечает, что зримых результатов от них придется ждать долго: «Впереди предстоит решение его [вопроса о замкнутости. — А. М.] на практике, в жизни, решение гораздо более трудное, которое должно коснуться уже не внешней только, а внутренней стороны этой замкнутости, того сословного духа и склада жизни, который зависит от воспитания, наследственных привычек в среде духовенства и множества часто неуловимых обстоятельств его частной, общественной и экономической жизни»⁹. В главе о «способах содержания» духовенства П. В. Знаменский пишет о плате за требы, руге, земельных наделах, крестьянских помочах (толоках), казенном жаловании. Оканчивается глава (и вся работа) сообщением

⁸ См.: *Благовидов Ф. В.* Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование императора Александра I. Казань, 1891 ; *Дьяконов К. П.* Духовная школа в царствование императора Николая I. Сергиев Посад, 1907 ; *Патков А. А.* Упадок православного прихода (XVIII–XIX века). Историческая справка. М., 1899 ; *Его же.* Церковно-общественные вопросы в эпоху Царя-Освободителя (1855–1870). СПб., 1902 ; *Преображенский И. В.* Духовенство и народное образование. СПб., 1900 ; *Титлинов Б. В.* Духовная школа в России в XIX столетии. Вып. 1. Вильно, 1908 ; Вып. 2. Вильно, 1909 ; *Чистович И. А.* Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб., 1894.

⁹ *Знаменский П. В.* Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство со времени реформы Петра. СПб., 2003. С. 425. Время показало, что скепсис П. В. Знаменского был оправдан: духовенство осталось довольно замкнутой социальной группой.

о росте выплат из казны в последнее время и прозрачным намеком на незавидную в целом участь приходского духовенства¹⁰.

Следует также отметить как характерную черту периода обращение авторов к законодательным источникам. Прежде всего это касается опять-таки П. В. Знаменского, строившего свои исследования по схеме: императорские и синодальные указы → их применение на практике → результаты. Причину такой организации материала можно видеть в том, что именно в этот период разрабатывается новое законодательство о духовенстве, поэтому историк анализирует уже имеющийся опыт законотворчества в этой сфере, дабы показать наиболее перспективные и, напротив, тупиковые пути развития ситуации.

С другой стороны, постоянное обращение к теме законодательства не только П. В. Знаменского¹¹, но и других историков¹², писавших на тему духовенства Синодального периода, наводит на мысль о том, что законы, касающиеся духовенства, были неизвестны не только широкой общественности, но и церковной профессуре, и членам пра-

¹⁰ «Все эти правительственные пособия должны будут навсегда остаться в памяти благодарного духовенства, далеко не избалованного благодеяниями и заботливостью об его участи, и сделают настоящее царствование самою светлою страницей в истории этого сословия» (Там же. С. 768).

¹¹ См. также: *Знаменский П. В.* Законодательство Петра Великого относительно православного духовенства // Православный собеседник. 1863. Ч. 2. № 7. С. 377–414; Ч. 3. № 9. С. 45–77; № 10. С. 125–158; № 12. С. 372–405; *Его же.* Чтения из истории Русской Церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник. 1875. Ч. 1. С. 3–22, 99–143, 228–254, 392–418; Ч. 2. С. 3–44, 327–347; Ч. 3. С. 87–109, 354–411; *Его же.* Чтения из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I. Казань, 1885.

¹² См.: *Руновский Н. П.* Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898 (автор довольно оптимистичен в своей оценке церковных реформ: он считает, что замкнутость духовенства была разрушена, но вот вопрос о материальном обеспечении духовенства должного разрешения не получил); *Знаменский И. П.* Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880.

В основном на законодательных и делопроизводственных источниках строится также исследование: *Рункевич С. Г.* Русская Церковь в XIX в. СПб., 1901. Первое статистическое исследование положения духовенства / Преображенский И. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840–41 по 1890–91 гг. СПб., 1901.

вительства, собиравшимся проводить реформы. Действительно, текст книги П. В. Знаменского свидетельствует о том, что значительная часть указов не выполнялась на местах, а в Синоде на это смотрели сквозь пальцы, понимая, что добиться их выполнения просто невозможно, так что со временем неработающие законы должны были попросту забываться¹³.

Итак, особенностью дореволюционного периода развития историографии было обращение историков прежде всего к тем вопросам, которые являлись злободневными и для современности. Анализу подверглось законодательство Синодального периода, определившее положение духовенства, помимо него речь велась о правилах замещения штатных должностей (приходском праве выбора и его отмене, наследовании мест, образовательном цензе для кандидатов на места), замкнутости духовного сословия и ее причинах, зависимости духовенства от прихожан и от церковной администрации, необходимости для него заниматься сельским хозяйством, угасании приходского самоуправления и в связи с этим об отчужденности прихожан от проблем Церкви и духовенства. Как одно из направлений общественной деятельности духовенства рассматривается его преподавательская работа¹⁴, причем подчеркивается, что духовенство создавало начальные школы раньше, чем земства, и всегда проявляло готовность к сотрудничеству с последними.

В целом в этот период в историографии сложилась негативная оценка Синодального периода истории, при этом авторы критически

¹³ О том, что законодательство о духовенстве «выпало» из практики и было во многом забыто, свидетельствуют и публикации прежних указов, предпринятые в этот период. Прежде всего следует назвать многотомное «Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания», но выходили также и сборники действующих законов. Некоторые исследователи включают в обзор историографии работы И. Г. Айвазова (*Айвазов И. Г. Законодательство по церковным делам в царствование императора Александра III. М., 1913; Его же. Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М., 1914*), но они носят не столько аналитический, сколько справочный характер, да и имеющиеся в них элементы аналитики позволяют отнести их не к историческим, а к юридическим трудам.

¹⁴ См.: *Благовидов Ф. В. Деятельность русского духовенства по отношению к народному образованию в царствование императора Александра II. Казань, 1891; Преображенский И. В. Духовенство и народное образование. СПб., 1990.*

относятся и к проводимым правительством преобразованиям, считая главной причиной существующих проблем сращивание Церкви с государственным аппаратом¹⁵. Влияние дореволюционного периода до сих пор ощущается в историографии как в части постановки вопросов, так и в отношении оценок и выводов.

Начало нового периода в историографии связано с появлением «Истории русской церкви» Н. М. Никольского¹⁶, первое издание которой было осуществлено в 1930 г., а второе — уже в 1931 г. Такая «востребованность» объясняется не столько читательским интересом, сколько политическим заказом: подготовка к коллективизации сельского хозяйства предполагала проведение и антицерковной кампании, которая должна была лишить крестьянство возможного союзника и идеолога. В связи с этим и понадобилась книга, разоблачающая антинародный характер православия.

Конечный результат нельзя было назвать оригинальным: Н. М. Никольский лишь по-новому интерпретировал известные факты. Интересно при этом отметить, что Н. М. Никольский, следуя, с одной стороны, дореволюционной традиции, а с другой — большевистским идеологическим установкам, противопоставляет белое духовенство монашеству вообще и епископату в частности, а также дворянству как «неоспоримо» антинародным группам, признавая относительную близость приходских клириков своим прихожанам (что, разумеется, не мешало белому духовенству оставаться консервативной, паразитической и обреченной на конечный крах вместе со всей остальной Церковью социальной группой). Нельзя не признать, что монография Н. М. Никольского является памятником борьбы исследовательской культуры с идеологическими штампами, причем победа последних обрекла тему церковной истории на почти полное закрытие¹⁷. Это приведет к тому, что в 1980-х гг. на волне возрожде-

¹⁵ Более подробную характеристику отдельных работ этого периода см.: Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 8–12, 14.

¹⁶ См.: Никольский Н. М. История русской церкви. М., 2004.

¹⁷ См. напр.: Грекулов Е. Ф. Нравы русского духовенства. М., 1928 ; *Его же*. Русская церковь в роли помещика и капиталиста. М., 1930 ; *Его же*. Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX — начало XX века). М., 1969 ; Кандидов Б. П. Церковь и 1905 г. М., 1930 ; Ростов Н. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М., 1930.

ния интереса к истории духовенства выявится, что исследователи попросту не знают тех реалий церковной жизни, о которых их предшественники не писали, поскольку это были вещи обыденные, само собой разумеющиеся¹⁸.

Следующий период в развитии историографии начинается с середины 1960-х гг. Коммунистическая идеология в это время превращается в базовый, но не единственный элемент новой исторической методологии, более или менее органично входит в логику исторического исследования. Именно этим можно объяснить расширение проблематики исследований. Для развития изучаемой темы было важным обращение историков к вопросам социальной истории и истории общественных движений. Следует также отметить, что тема приходского духовенства в этот период в основном лишь затрагивалась в связи с другими, являющимися основными для того или иного исследования.

В 1971 г. выходит в свет монография В. Р. Лейкиной-Свирской «Интеллигенция в России во второй половине XIX в.»¹⁹. Рассуждая о происхождении интеллигенции, автор пишет о феномене разночинца — маргинала сословного общества. Изначально интеллигенция — это оказавшиеся вне сословной структуры общества и получившие образование лица. В соответствии с этим определением в состав интеллигенции, разумеется, попадают дети духовенства, порвавшие со своим сословием, а после указа 1869 г. — вообще все дети духовенства, если они не становились священно- или церковнослужителями: им автор отказывает в звании интеллигентов категорически. Тем не менее в монографии нашлось место для сведений о составе духовенства, о разнице в уровне жизни между городскими и сельскими священниками и церковнослужителями, о структуре духовной школы и ее реформировании, проходившем во второй половине столетия. Сведения эти не новы, но автор была вынуждена считаться с тем, что читатели ничего об этом не знают. То же самое можно сказать о статье

¹⁸ См.: Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале... С. 12–13.

¹⁹ См.: Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.

С. С. Дмитриева «Православная церковь и государство в предреформенной России»²⁰.

В работе П. Н. Зырянова «Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг.»²¹ изложение строится по событийному принципу, тем не менее сама тема вынуждает автора остановиться на вопросе о положении духовенства. Гораздо подробнее, чем В. Р. Лейкина-Свирская, П. Н. Зырянов пишет о разнице в материальном обеспечении городского и сельского духовенства. Городское духовенство, сблизившееся с новыми социальными группами (буржуазией, либеральной интеллигенцией), порождает обновленческое движение в Церкви: в монографии подробно рассматривается деятельность Союза ревнителей церковного обновления. Сельское духовенство, в отличие от городского, было ближе к своим прихожанам по образу жизни и потому имело на них большее влияние, тем не менее кризис ощущался и здесь — он выражался в распространении сектантства. Если не считать раннего обновленческого и праворадикального движений, о направлениях политической деятельности духовенства говорится недостаточно подробно. Точнее, все факты выступлений представителей духовенства с левых и левоцентристских позиций подаются как единичные, а потому не заслуживающие специального анализа. Автора можно понять: глубокое исследование настроений духовенства, признание того, что значительная часть духовенства сочувственно относилась к аграрному движению или, по крайней мере, сопротивлялась агитации правых радикалов, не позволило бы книге увидеть свет.

В целом приходится констатировать, что в течение периода с середины 1960-х гг. до начала 1980-х гг. историки не проявляли интереса к внутренней жизни духовного сословия, о нем говорилось лишь постольку, поскольку оно было включено в различные общественные процессы, выработки нового знания не происходило²². Новые источники материалы привлекались только тогда, когда было необхо-

²⁰ См.: Дмитриев С. С. Православная церковь и государство в предреформенной России // История СССР. 1966. № 4. С. 20–54.

²¹ См.: Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

²² См., напр.: Крывелев И. А. Русская православная церковь в первой четверти XX века. М., 1982.

димо показать реакционную роль духовенства. Характерно также, что историков в основном привлекает начало XX в., поскольку именно для этого времени можно было говорить о кризисе и государства, и Церкви как об аксиоме²³. В то же время те авторы, которые пытались показать, что реальное отношение духовенства к происходившим в начале XX в. событиям было сложнее, чем простое отрицание происходивших в обществе перемен, обращаются к истории обновленчества (П. Н. Зырянов, В. М. Андреев²⁴). При этом появление подобных идей и настроений у духовенства объясняется попыткой приспособиться к меняющимся условиям, «модернизировать» отживший институт Церкви с целью самосохранения (Н. П. Красников²⁵).

В 1989 г. была опубликована коллективная монография «Русское православие: веки истории»²⁶; раздел по XIX в. в ней был написан Б. Г. Литваком, а по началу XX в. — П. Н. Зыряновым. По времени выхода эта книга должна быть отнесена к следующему периоду, но по содержанию она относится еще к периоду «частичного демонтажа идеологических схем»²⁷. Статья Б. Г. Литвака носит обобщающий характер, а статья П. Н. Зырянова представляет собой сжатый вариант его монографии. О духовенстве в этих статьях говорится относительно немного. Главное значение книги состоит в том, что на тот

²³ См., напр.: *Грекулов Е. Ф.* Церковь, самодержавие, народ (2-я половина XIX — начало XX в.). М., 1969 ; *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М. ; Л., 1965 ; *Ее же.* Крестьяне и Церковь накануне Октября. Л., 1976.

²⁴ См.: *Андреев В. М.* Либеральное обновленческое движение в русском православии начала XX века и его идеология : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1971.

²⁵ См.: *Красников Н. П.* В погоне за веком (отражение социальных процессов в богословских трудах и проповеднической деятельности православных священнослужителей). М., 1968 ; *Его же.* Социально-этический аспект религиозного реформаторства конца XIX — начала XX века // Вопросы научного атеизма. М., 1980. Вып. 26. С. 206–222 ; *Его же.* Социально-политическая позиция русской православной церкви в 1905–1917 гг. // Вопр. научного атеизма. М., 1985. Вып. 32. С. 185–204.

²⁶ См.: *Русское православие: Веки истории.* М., 1989.

²⁷ См. периодизацию, предложенную М. В. Никулиным: *Никулин М. В.* Православная Церковь в общественной жизни России (конец 1850-х — конец 1870-х гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. С. 7–9.

момент это была первая книга о православной церкви, изданная центральным издательством (соответственно, доступная широкому кругу читателей), при этом, однако, подчеркнуто избегающая идеологических штампов. Стало ясно, что теперь на церковную тематику можно писать серьезные исследования, а не только атеистические агитки.

Период с начала 1980-х до начала 2000-х гг. можно охарактеризовать полным демонтажем идеологических схем. При этом методология исследований в целом остается той же, что и в предшествующий период (происходит только отказ от идеологической составляющей), самым серьезным изменением следует признать распространение статистических методов в исследованиях.

В 1981 г. вышла в свет монография Н. Д. Зольниковой «Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.)»²⁸. Книгу эту можно назвать настоящим прорывом: впервые со времен П. В. Знаменского автором была предпринята попытка показать различные аспекты внутренней жизни духовного сословия. Сделано это было с применением статистических методов исследования, что явилось еще одним новшеством. В дальнейшем именно изучение массовых источников с применением статистических методов позволит исследователям практически полностью освободиться от идеологических установок: взгляд на явление «изнутри» позволял избежать идеологических оценок, речь велась о различных аспектах жизни социальной группы, но не о том, носителем какой идеологии она являлась.

В монографии прежде всего проводится анализ государственного и церковного законодательства по различным вопросам, затем показывается, как эти законы влияли на ситуацию в Тобольской епархии. В книге рассматриваются вопросы формирования духовного сословия, исключение из него податных элементов, военные разборы, развитие церковного образования, а также «политические обязанности приходского духовенства». Впервые были введены в научный оборот не просто новые источники, а новые виды источников. Прежде всего речь идет о массовых источниках (духовные росписи, клировые ведомости), а также такие сложные по составу источники, как

²⁸ См.: Зольникова Н. Д. Сословные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.